

УДК 81'42

АПЕРЦЕПЦИЯ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КОННОТАТИВНО-СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Е. Г. Озерова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы функционирования апперцептивной номинации, под которой мы понимаем обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий, представлений и чувственного впечатления. Авторы лирикопрозаических текстов пользуются чувственными впечатлениями как показателями номинативной экспликации когнитивного пространства.

Ключевые слова: апперцепция, лирикопрозаический текст, эгогон.

Слово в лирикопрозаическом тексте является тем инструментом, с помощью которого передаются чувства и мысли авторов. Под когнитивным пространством художественного текста мы понимаем синтез психолого-философских, ментальных информационных систем, кодов, определяющих своеобразие субъективной авторской репрезентации действительности.

Когнитивное пространство лирикопрозаического текста отражает, прежде всего, субъективную действительность и эксплицируется в ходе её познания в процессах апперцептивной номинации. Термин *апперцепция* ввел в практику психологии и философии Г. Лейбниц, который противопоставил перцепцию (внутреннее состояние души, представляющей внешний мир) апперцепции (сознание или рефлексия этого внутреннего состояния). К этому термину в своих работах обращались И. Кант, И. Гербарт, В. Вундт. Наше внутреннее «Я», по мнению И. Канта, есть результат воздействия на внутреннее чувство «вещи в себе», поэтому апперцепция является высшим условием единства всех понятий рассудка. И. Кант вводит понятие *синтез апперцепции*, с помощью которого новое впечатление ассоциируется с вновь вырабатываемыми понятиями, наблюдениями, имеющимися в памяти, образуя между ними необходимое для языкового мышления звено.

По-иному трактуется рассматриваемый термин у И. Гербарта, для которого доминирующим является психологическое наполнение данной дефиниции: *апперцепция есть акт ассимиляции вновь вступающих в поле сознания представлений, посредством воздействия на них со стороны сложных комплексов, образовавшихся в прошлом психическом опыте*. Известный в XIX в. психолог В. Вундт, синтезировавший в своём учении имеющийся в то время научный арсенал знаний об апперцепции, пришёл к выводу, что апперцепция может функционировать в двух моделях: *пассивной* (без предварительной эмоциональной установки) и *активной* (восприятие предваряется чувством ожидания).

Наиболее полно и многогранно проблемы апперцепции через призму лингвистического функционирования описаны в работе «Слово как средство апперцепции» А. А. Потебней. Автор отмечает, что при создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперципируется [1, с. 99].

Апперцепция, отмечает А. А. Потебня, есть участие сильнейших представлений в создании новых мыслей; но в чём именно состоит эта сила, усложняющая большую или меньшую лёгкость влияния представлений на новые или возобновлённые в сознании восприятия? [Там же, с. 104]. Отражение апперцептивных установок эксплици-

¹ Работа выполнена в рамках Соглашения №14.А18.21.0993 от 07 сентября 2012 г.

руется в лирической прозе, в которой действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни. Среди авторов, творчество которых раскрывается именно в лирической прозе, особенно заметной является Елена Гуро, чьи произведения чаще всего вспоминают, когда обращаются к истокам футуризма. Внимание русских футуристов было сконцентрировано не на волевом преображении мира и человека, а на «психической эволюции», на открытии новых возможностей в сознании и психике человека. «Пафос обретения новой психики, нового зрения, новых органов восприятия и сознания составлял основу русского футуристического мифа» [2, с. 30], но Е. Гуро не исключала из своего творческого внимания и опыт символистов, что открыло ей путь к созданию жанра лирической прозы, лирического отрывка, фрагмента. "Вольные ритмы. Проза в стихи. Стихи в прозу. Проза – почти стихи", – формулировала она свою художественную задачу [3, с. 4].

Для языка лирической прозы *апперцептивная номинация* является базовым понятием. Под *апперцептивной номинацией* мы понимаем обозначение объёма вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию. Авторы лирической прозы пользуются чувственными впечатлениями как показателями номинативной экспликации, для которой выбираются философские темы противоречия мира: любви и смерти, суеты и вечности, красоты и старости.

Ментально-лингвистическая модель лирикопрозаических текстов И. С. Тургенева «Последнее свидание», «Стой! Стой!», «Старуха», «Когда меня не будет» носит субъективный характер, так как интенции автора обращены к личностным переживаниям, поэтому апперцептивная номинация имеет антропоцентрическое выражение: например, люди, страдающие неизлечимыми болезнями, думают о смерти, но именно у И. С. Тургенева образ смерти – это «...высокая, тихая, белая женщина. Длинный покров облекает её с ног до головы... Никуда не смотрят её глубокие, бледные глаза; ничего не говорят её бледные, строгие губы...

Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила нас.

Да... Смерть нас примирила... (И. С. Тургенев, «Последнее свидание»).

Апперцептивная номинация эксплицируется у И. С. Тургенева художественным образом смерти через когнитивную метонимию, сущность которой «состоит в использовании известного означающего для вторичного именования нового означаемого, ассоциируемого с означаемым прямо номинативного знака по принципу смежности обозначаемых объектов» [4, с. 184].

Таким образом, дискурсивное восприятие в лирикопрозаических текстах, на наш взгляд, репрезентируется апперцептивной номинацией, выраженной у И. С. Тургенева когнитивной метонимией.

«Я оглянулся – и увидел маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья. Лицо старушки одно виднелось из-под них: жёлтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

... И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдали, плывёт, ползёт само ко мне!

Боже! Я оглядываюсь назад... Старуха смотрит прямо на меня – и беззубый рот искривлён усмешкой...

– Не уйдёшь!» (И. С. Тургенев, «Старуха»).

«...В преддверии акта номинации должно находиться формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации» [5, с. 61]. Таким образом, отличительным для апперцептивной номинации И. С. Тургенева является то, что семантическое пространство лирикопрозаического текста эксплицируется когнитивными механизмами языкового сознания, которые подчинены механизму ассоциативного переноса в означаемое знака вторичного именования признака, названного знаком первичной номинации: *старуха → смерть*.

По-иному апперцептивная номинация проявляется в лирической прозе Елены Гуро, которая, несмотря на неизлечимую болезнь, утверждала, что любовь – высшее чудо, она даёт бескрылому крылья», «благодать – это любовь, и любовь – это безграничность. Современник Е. Гуро Вадим Шершеневич так определил когнитивное пространство творчества: она чувствует себя матерью всех вещей, всех живых существ... Все её дети изранены, и она тянет к ним свою смелую душу.

Пропозиционные интенции автора содержат неистраченный арсенал материнской любви, а «миф о юноше-сыне и его смерти был, по сути дела, сквозным для всего творчества Е. Гуро (правда, очень короткого 1905 – 1913 гг.)» [6, с. 228].

Шёл дождь, было холодно. У вокзала в темноте стоял человек и мок. Он от горя забыл войти под крышу. Он не заметил, как промок и озяб. Он даже стал нечаянно под самый сток...

Он не заметил, что озяб, и всё стоял, как поглупевшая, бесприютная птица, и мок. А сверху на него толстыми струями, пританцовывая и смеясь, лилась – вода...

Дня через три после этого он умер.

Это был мой сын, мой сын, моё единственное, моё несчастное дитя (Е. Гуро, «Небесные верблюжата»).

Корней Чуковский, ценивший талант Елены Гуро, отмечал: «Её тема: светлая боль, радость увядания, умирания и нежность до восторженной муки... Её дурашливый стиль, капризный, порой эксцентрический – проистекает из этих чрезмерных приливов любви! Так влюблённые... измышляют дикие эпитеты, странные, смешные слова...» [7, с. 250]. Именно в апперцептивной номинации раскрывается у Е. Гуро тип психологических ощущений – детский мир, мир игры, который воплощён в особой лирике, в логике, не соотносимой с логикой повседневности и взрослого сознания, в раскованности фантазии и метаморфозности, которыми обладает мир детских игрушек и которые достигаются также в мире, преображающем реальность [2, с. 23].

Когнитивные истоки лирической прозы сформулированы самим автором: *Что нужно выразить? Мир в окраске материнской нежности. Флюид любви. Флюид геройства и нежности, искреннюю неловкую обнажённость юности, – до дна, что ставит вещь вне литературы.*

В апперцептивной номинации Е. Гуро проявляется такое направление искусства, как примитивизм. Его главным признаком было программное опрошение художественных средств, обращение к детскому творчеству, через которое проявлялось стремление обрести чистоту взгляда на мир, присущую неиспорченному цивилизацией сознанию.

Сопоставим лирическую прозу автора и спонтанную детскую речь, авторские наблюдения над которой обобщены в предыдущих наших исследованиях [8, с. 130].

Елена Гуро

– Мама, а Дон-Кихот был добрый?

– А его били... Жаль его. Зачем?

– Бедный, а ему больно и он добрый.

Как жаль, что он уже умер. А он умер давно? (Е. Гуро, «Небесные верблюжата»)

Один принес в коробочке словечко: ёлки в бурю и огоньки в окнах его слушались. У другого были нанизаны дни разных цветов, пёстренькие, как ситцы. Все Домашние оказались богатыми, – и были очень довольны. Спорили, какого цвета сделать эту Субботу: – синей, – или с полосками? (Е. Гуро, «Домашние»)

Спонтанная детская речь

– А Бог знает, где вселенная кончается?

– Или это загадка такая? (7 л., 2 м.)

Мама – малиново-красная, папа – красно-жёлтый, дедушка – чёрно-белый, бабушка – жёлто-золотистая, а я розово-жёлтый (6 л., 1 м.).

Формирование пропозиции может основываться на сущности воображаемого, фантазийного мира, поэтому их разделяют на «истинные» и ложные. Авторы Краткого словаря когнитивных терминов, характеризуя дефиницию *пропозиция*, отмечают, что в голове человека некоторые сущности действительно связаны определёнными отношениями благодаря предметно-практическому опыту человека, повторному осмыслению мира. Пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определённой формы его репрезентации [9, с. 139 – 140].

Дискурсивное восприятие действительности меняет модальность эготопа, под влиянием которого формируются образы, эксплицирующие апперцептивную номинацию. Она пронизывает тексты лирической прозы в описаниях природы и внешности. Таким образом, внутреннее, чувственное проявляется в выразительных комбинациях (когнитивная метонимия, когнитивная метафора, соединение обеих с олицетворением) ключевых характеристик: *небо – лоб земли. Глаза – небо души* (Е. Гуро). Апперцептивная номинация эксплицируется в когнитивной метафоре, которая своим появлением обязана не только функциональной сущности человеческого сознания, но и особенностям мировосприятия. Именно «метафора – более доступное нашему пониманию средство передачи информации, поскольку опирается не на абстрактные сущности, а на знакомые всем общающимся (или, по крайней мере, большинству из них) окружающие предметы, которые имеют особое ценностно-смысловое содержание» [10, с. 168].

➤ описание природы: неба, облаков, туч:

... *Перед домом голая равнина; постепенно понижаясь, уходит она вдаль; серое, одноцветное **небо** висит над нею как полог.*

*Это **небо** – точно саван. И ветра нет... Умер воздух, что ли?*

... ***Небосклон** упал, ушёл вниз, а от самого дома спускается почти отвесная, точно разрытая, чёрная круча* (И.С. Тургенев, «Конец света»).

... *В саду, в глуши сиреневых кустов, горlinkа встретила её первым воркованьем – а там, где она скрылась, молочно-белое **небо** тихонько покраснелось* (И. С. Тургенев, «Посещение»).

*Земля дышала ивами в близкое **небо**; под застенчивый шум капель оттаивала она. Было, что над ней возвысились, может быть, и обидели её, – а она верила в чудеса. Верила в своё высокое окошко: маленькое **небо** меж тёмных ветвей, никогда не обманула, – ни в чём не виновна, и вот она спит и дышит... и тепло* (Е. Гуро, «Вдруг весеннее»).

*В тонком завершении и прозрачности полевых метёлок – **небо*** (Е. Гуро, «Звонят кузнечики»).

*Ах, иногда чаша осени поднимается к бледному **небу**, переполнена золотом радости, мёдом и пурпуром счастья...* (Е. Гуро, «Примирение»).

*Но, ведь ты голубей **неба**, стрекоза. – Я царица! – **Небо** синее. Слышен густой пчелиный звон, он пахнет мёдом и смолой. **Небо** синее.* (Е. Гуро, «Стрекоза»).

*И над радостью встреч прошли года, и стоял над всем в пустом **небе** запрещающий Знак* (Е. Гуро, «Дача с призраками»).

Слово, по мнению А. А. Потебни, есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служит посредником между людьми и устанавливает между ними разумную связь, что в отдельном лице является посредником между новым восприятием и находящимся вне сознания прежним запасом мысли. Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, это, подчёркивает автор, можно и без слов, а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошлого [1, с. 122].

Для лирикопрозаического текста – это механизм взаимодействия апперцептивных номинаций (чувственных и смысловых аналогий) сознания субъекта, так как

«в слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого» [1, с. 119].

... Около меня солнце ещё светило – горячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, тёмно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

... Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался от-весными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой... (И. С. Тургенев, «Голуби»).

Описание пейзажа в лирикопрозаическом тексте связывается с духовным восприятием действительности: *На Святую Пасху Христову солнце играет на небе. Смещая все законы зримого мира, солнце просто прыгает, резвится в небесах от счастья Воскресения Иисуса Христа. И это очень легко увидеть и верующим и неверующим рано утром, в каждую Пасху каждого года.*

Но я слышал, что солнце играет и на Благовещение. И нынче в первый раз это увидел. После причастия в день Благовещения вышел из храма и оглянулся на его крест. Солнце над ним свершало непонятное для моего разума. То увеличивалось, то сжималось, светлые ленты пересекали его, цвет оранжевого круга сменялся жёлтым, потом белым, языки пламени выкидывались во все стороны (В. Н. Крупин, «Солнце играет»).

Издавна на Руси существовала традиция на Благовещение отпускать на волю птиц. «Родной обычай старины», – так писал о нём А. С. Пушкин. Этот русский обычай символизирует стремление человеческой души освободиться от пут греха и соединиться с небом. Традиция выпускать именно голубей на праздник Благовещения появилась вследствие того, что на иконах ангел, спустившийся к Марии, изображается в виде голубя. Ср.: «... замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полётом два белых голубя» (И. С. Тургенев, «Голуби»).

Дискурсивная интерпретация лирической прозы Елены Гуро проводит иные сравнения и символы: *Мир был прост и ласков, как голубь, и если б его приголубили, он стал бы летать.* Для усиления апперцептивной номинации автор использует однокоренную лексику *приголубили*, семантическое значение которой подчёркивает синестезию чувств.

Апперцептивная номинация эксплицируется и при описании глаз. Ментальную закреплённость находим в народной мудрости: «*глаза – зеркало души*». «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло» (Мф. 6:22). Глаза репрезентируют непосредственную связь субъекта с окружающим миром, раскрывают дискурсивную интенцию автора.

➤ описание глаз:

... Старушка не отвечала. Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой, какая бывает у иных птиц: они защищают ею свои глаза от слишком яркого света (И.С. Тургенев, «Старуха»).

... Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза. И я тоже гляжу ей в глаза.

... Нет! это не животное и не человек меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга... (И. С. Тургенев, «Собака»).

Её лицо и побледнело и ожило; быстро, с весёлым смущеньем бежали по сторонам опущенные, как уменьшенные глаза. Она увидела розу, схватила её, взглянула на её измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня, – и глаза её, внезапно остановившись, засияли слезами (И. С. Тургенев, «Роза»).

... Она пронеслась раза два под потолком; её крошечное лицо смеялось; смеялись также огромные, чёрные, светлые **глаза** (И. С. Тургенев, «Посещение»).

... Лицо спокойное и важное, но не строгое; **глаза** не лучистые, а светлые; взор пронзительный, но не злой (И. С. Тургенев, «Милостыня»).

... С губ сорвался последний вдохновенный звук – **глаза** не блестят и не сверкают – они меркнут, отягощённые счастьем, блаженным сознанием той красоты, которую удалось тебе выразить, той красоты, во след которой ты словно простираешь твои торжествующие, твои изнеможенные руки! (И. С. Тургенев, «Стой!»).

... Сквозь его **глаза** ей показались далёкие-далёкие города возвышенных мечтаний. И она поняла, что она мать ему (Е. Гуро, «Жил на свете рыцарь бедный»).

... Вспомнила его кроткие, как светлые озёра, **глаза** (Е. Гуро, «Жил на свете рыцарь бедный»).

Смысл, в отличие от значения, порождается субъектом, поэтому в интерпретации лирикопрозаического текста апперцептивная номинация сочетается с *апостериорной коннотацией*, под которой мы понимаем трансформацию личностно и эмоционально значимых ассоциаций, образов, эксплицируемых на основе опыта субъекта. Следует отметить, что функционирование данного термина является доминирующим и в онтогенезе речи, но потребность в номинации здесь имеет иную природу – конкретно-ситуативную: а) незнание узувального слова – *черепахорыборак (краб)*, *киноснимальщик (режиссёр)*; б) обозначение игрового предмета – *постелевзбиватель*, *гранатопускатель*; в) обозначение переходного состояния или предмета – *полусплю-полуслушаю*, *полужаяц-полукролик*; г) создание имён собственных – *Ильямурманцы*, *Полечудесник*.

«Образ – это предметно-чувственное отражение в сознании человека номинируемого объекта...» [10, с. 54]. Для лирикопрозаического текста – это механизм взаимодействия апперцептивных номинаций (чувственных и смысловых аналогий) сознания субъекта (ср.: в онтогенезе речи – предметное, буквальное номинирование когнитивного пространства).

Таким образом, когнитивное пространство апперцептивной номинации в лирикопрозаическом тексте репрезентируется не только через призму чувственных ассоциаций, пропозиционных интенций автора, но и при помощи образного слова – пристрастного когнитивно-номинативного средства создания лирического повествования.

Список литературы

1. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
2. Бобринская Е. А. Футуризм и кубофутуризм 1910-1930. История живописи XX век. – М.: Галарт, 2000. – 174 с.
3. Гуро Е. Г. Жил на свете рыцарь бедный. Лирическая повесть. – СПб.: Фонд русской поэзии, 1999. – 104 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Топоров В. Н. Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро / Серебряный век в России. Избранные страницы. – М.: Прогресс, Культура, 1993. – 340 с.
7. Чуковский К. Образцы футурлитературы / Собр. соч. в 6-ти томах. – т. 6. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 240 – 259.
8. Харченко В. К., Озерова Е. Г. Сложные слова в детской речи. Монография. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1999. – 159 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
10. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

APPERCEPTION AS COGNITIVE MECHANISM OF FORMING CONNOTATIVE AND SEMANTIC CONTENT IN LYRIC PROSAIC TEXTS

E. G. Ozerova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Ozerova @bsu.edu.ru*

The article considers the problem of apperceptive nomination functioning, which we understand as denomination of the volume of secondarily perceived subjective notions and conceptions, sensory impressions. The authors of lyric prosaic texts use sensory impressions as indicators of nominative explication of cognitive space.

Keywords: apperception, lyric prosaic texts, egotope.